

г. Дубна, ул. Университетская, д. 19, каб. 4-302. Тел.: 8 (496) 216-61-20. Эл. адрес: ngbagda@mail.ru

Кравченко Алексей Леонидович, аспирант кафедры социологии и гуманитарных наук, Государственный университет «Дубна». Адрес: 141980, Московская область, г. Дубна, ул. Университетская, д. 19, каб. 4-302. Тел.: 8 (496) 216-61-20. Эл. адрес: alkrovch1@yandex.ru

Bagdasaryan Nadezhda Gegamovna, Doctor of Philosophy, Professor, Bauman Moscow State Technical University, Dubna State University. Postal address: 19, Universitetskaya St., office 4-302, Dubna, Moscow Region, 141980. Tel.: 8 (496) 216-61-20. E-mail: ngbagda@mail.ru

Kravchenko Aleksei Leonidovich, Postgraduate Student, Department of Sociology and Human Sciences, Dubna State University. Postal address: 19, Universitetskaya St., office 4-302, Dubna, Moscow Region, 141980. Tel.: 8 (496) 216-61-20. E-mail: alkrovch1@yandex.ru

DOI: 10.17805/zpu.2023.2.5

Методология социокультурного познания в условиях общественных изменений

О. И. КАРПУХИН

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ,

С. Н. КОМИССАРОВ

ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ ФНИСЦ РАН

Изучайте науку искусства и искусство науки.

Леонардо да Винчи

Очевидное наступление новой эпохи всемирной истории после экспансии Запада, направленной на уничтожение России как цивилизации, предполагает пересмотр всего арсенала методов научного познания реально происходящего в геополитической, социально-экономической и социокультурной сферах. Ныне речь идет о переломном характере самой логики человеческой истории, которая сложилась за последние века и в противоречивой, во многом бесчеловечной, реальности которой устойчиво прокладывал дорогу вектор очеловечивания мира и самого человека, составляющий сущность культуры. Сегодня на Западе идет разрушение этого вектора и его основополагающих религиозно-идеологических и духовно-культурных несущих конструкций. Этот антикультурный сдвиг западной цивилизации направлен на озверение человека массы, низложение его до уровня инстинктов «братьев наших меньших» — ради того, чтобы ополовинить человечество и обеспечить беспрекословное подчинение оставшихся интересам верхушки мировой олигархии. Способом достижения этих вполне прозаических интересов стало низложение Бога как идеала человека и ликвидация гуманистической культурной традиции, выработанной человечеством в борьбе за выживание человека как общественного существа. Условием успеха такой стратегии стало уничтожение Российской цивилизации и культуры, которые генетически связаны друг с другом и которые оказались оплотом гуманистической традиции человечества. Недаром попытка физического уничтожения Российского государства, истребления его народов сочетается в новом крестовом походе

де Запада с искоренением прошлого великой мировой державы, с политикой «культуры отмены», которую В. В. Путин назвал «отменой культуры».

Ключевые слова: культура; социокультурный анализ; методология; социология; искусство; синтез теоретических подходов; исследование состояния отечественной культуры

ВВЕДЕНИЕ

«Момент истины» — название знаменитого романа В. Богомолова — наиболее точно характеризует нынешнее время, которое требует переосмысления самых принципов оценки сложнейших процессов, взаимозависимость всех сторон которых превращается в систему детерминант, обладающих скрытыми и неожиданными связями, не укладывающимися в привычные объяснения мотивов решений и поступков — от обыденной жизни до геостратегических перспектив развития человечества в целом.

Это обстоятельство не перечеркивает общенаучных принципов исследования реальности, не снижает эффективность разработанных подходов к анализу общественных процессов и, в принципе, научного инструментария человечества, выработанного за тысячелетия познания и переустройства мира.

В целом общефилософские, социально-политические и экономические, социально-психологические и социокультурные изыскания не теряют свою продуктивность как методологические «ингредиенты» социокультурного познания действительности. Речь идет о необходимости выхода на более высокий уровень синтеза всех достижений и методик научно-познавательной лаборатории человечества и с целью предотвращения вполне реальной угрозы исчезновения человека как биологического вида в ядерной катастрофе, вполне допустимой и, возможно, даже желанной для небольшой группки «сильных мира сего».

ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ОБЩЕСТВА И КУЛЬТУРЫ

В целом отечественная социогуманитарная наука оказалась не способной понять сущность изменений общемировой и внутрироссийской ситуации с конца 80-х — начала 90-х гг. XX столетия и тем более предвидеть перспективы этих изменений, вылившихся в мировой кризис.

Для понимания сущности происходящих социокультурных изменений большое значение имеет рационалистическая теория «идеального типа», социального действия М. Вебера, позволяющая соотнести существующие формы культурной жизни с идеалом. Ценности и смыслы, которыми руководствуется человек, складываются в «идеальные типы», т. е. в духовно-мыслительные конструкции, которые фактически представляют собой типы культуры. Однако идеальные культурные модели оказались опрокинуты реальной жизненной практикой западного общества под воздействием воинствующей политики проамериканских правительств и пронизывающего все социальные слои эгоизма, сметающего все нравственные нормы и выработанные историей культурные ограничители. Структурно-функциональный анализ позволяет выявить внутреннюю взаимозависимость общественных и культурных изменений. Основанная на этом методе культурная антропология (Б. Малиновский, А. Радклифф-Браун) показала, что все составляющие культуру элементы и структуры генетически едины между собой и национальной культурой как целостностью. Поэтому они не могут быть механически вытеснены за пределы культуры, и сопротивление их такому искусственному отторжению бу-

дет нарастать, пока не ослабеет потребность в функции, которую они выполняют в обществе. При этом надо учесть, что все структурные звенья любой культуры, в том числе выработанные долгим опытом традиции, ритуалы и т. д., остаются социально-психологическими средствами адаптации к новой реальности и механизмами сохранения целостности культуры в меняющихся условиях. Действительность оправдала взаимозависимость общественных и культурных изменений, и поддержка агрессивного антироссийского курса ведущих западных держав вполне согласуется с культурными константами, многие годы и даже десятилетия камуфлируемыми демагогическими лозунгами о свободе, демократии, независимости СМИ и т. д.

Критикуя нормативность функционализма, выстраивающего идеальные мыслительные конструкции, Р. Миллс показал, что в такие абстракции не укладывается ни богатство социокультурных явлений, ни их противоречивость, ни изменчивость в новых условиях. «Отвергая универсальные макросоциологические теории, — писал по этому поводу Б. С. Ерасов, — Миллс полагает, что плодотворность научного поиска может быть обеспечена только наличием многих подходов, сопоставляемых с эмпирическими данными» (Ерасов, 2000: 63–64). Однако практически вся — за редким исключением — научная литература и журналистская публицистика Запада демонстрирует не только однозначное толкование настоящего, прошлого и будущего человеческой цивилизации и особенно России, в котором не находится места никакому плюрализму мнений, но и игнорирует эмпирику, документально подтвержденную многочисленными (не только российскими) источниками, потому что она противоречит геополитическим интересам Запада.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Методологический фундамент социологии культуры, возведенный П. А. Сорокиным, М. Вебером и другими классиками социологии, позволил многим российским ученым (В. М. Межуев, Б. С. Ерасов, А. Г. Ионин, А. И. Шендрик и др.), разработать теоретические основы и методики анализа поля отечественной социологии культуры — науки, которая имеет особое значение для нашей страны с ее уникальной культурой и вековыми традициями.

Конечно же, сложность разработки и применения методологии и методик социокультурного анализа обусловлена чрезвычайно сложной природой такого явления, как культура, пронизывающего все общественные явления и все взаимоотношения человека с окружающим миром. Более того, недооценка роли культуры в развитии общества как «родовой порок» российской власти¹ была проявлением «политической изнанки» той апологетики культуры, которая точнее всего выражена в известной формуле Г. Беркинга: «Там, где было общество, стала культура». «Культурный детерминизм» в среде философов и социологов культуры носил абстрактный характер, и без «перевода» на теоретико-методологический уровень, без практики применения, основанной на этих методологии и методике познания реальности, не привел к серьезным открытиям, к обоснованию генетической значимости культуры в происходящих изменениях во всех сферах развития общества. Только нынешняя ситуация гибридной войны против России показала, что природа конфликта лежит не в неравноценности природных ресурсов, экономического или военного потенциала и т. д., а в несовместимости двух культур — гуманистической, восходящей к религиозному абсолюту как непререкаемому критерию

добра и зла, истины и лжи, нравственности и безнравственности, красоты и безобразия и т. д., с одной стороны, и «культуры», низвергающей этот абсолют ради нравственного распада человека и неприкасаемости могущества правителей мира — с другой.

Социокультурный анализ позволяет понять особенности реального социального бытия культуры в конкретике форм ее пространственно-временного, регионального, национального и даже бытового существования. При этом существующие проявления современной культуры во всех ее измерениях соотносятся с нормативными представлениями о сущности культуры как способа очеловечивания мира и самого человека.

К сожалению, социологическому анализу культуры органично присущи внутренние противоречия между количественными показателями, далеко не всегда репрезентативными, и *качественными* оценками, нередко субъективно-умозрительного характера, тем более идеологическими ангажированными, что сводит на нет научную значимость такого рода работ. Конечно же, на такой основе невозможны объективные прогностические выводы.

Исследовательский аппарат социологии культуры состоит из собственно социологического, примененного с учетом специфики предмета исследования: «Изучение культурных процессов оказывается, — пишет П. С. Гуревич, — в данном случае фрагментом более общей социальной теории» (Гуревич, 1995: 61), т. е. социологии. Однако в методолого-методический арсенал социологии культуры органично включены методы, исследовательские подходы и философии культуры, и искусствознания, и социально-психологической науки, изучающей изменения массового сознания. Познание столь сложного объекта, как культура, предполагает целостное видение этой особой сферы, а точнее особого измерения общественной жизни, сущность которой не поддается познанию без анализа конкретных проявлений в меняющихся социально-исторических условиях. Здесь необходимо вновь подчеркнуть, что сущностные проявления культуры и ее роль в общецивилизационных изменениях должны рассматриваться в единстве системных взаимодействий культуры и общественной жизни во всей ее полноте. Вряд ли снижает значимость социологии культуры как науки внутренняя двойственность ее предмета. С одной стороны, это культура как целостное явление, только взятое в ее конкретных проявлениях в определенных пространственно-временных и национально-региональных параметрах, в которых проявляются сущностные черты культуры и, главное, тенденции изменения этих сущностных черт под влиянием новых обстоятельств. С другой стороны, это сложнейшая взаимозависимость между культурными и социальными трансформациями, определяющими актуальную значимость культуры и ее роль в общественных изменениях. Такое раздвоение носит поверхностный характер, потому что реальные культурные трансформации происходят в определенной социально-исторической среде, порождающей обновление культуры. Понять сущность культурных изменений без анализа порождающих их объективных факторов невозможно — точно так же, как и не объяснить происходящее. Следовательно, нет никакого противоречия в определении предмета социологии культуры, которая изучает социальное бытие культуры во всех ее видах, формах и проявлениях, фиксируя синхроническую картину состояния культуры и динамику ее изменений за определенный период времени.

Социокультурный анализ реального развития отечественной культуры должен быть сфокусирован на глубинных трендах социокультурной динамики, обоснованных на уровне метатеоретического социологического подхода (Абушенко, 2012: 124–125), обращенного к сущностному уровню культурной жизни. Социолога культуры интересует не конъюнктурная «рябь на поверхности океана общественного настроения», а глубинные течения духовной жизни общества, определяющие путь, по которому оно будет жить дальше. Важно выявить и осмыслить причинно-следственные связи всего того, что происходит в нашем социуме и в нашей культуре. Тогда можно понять, какие могут быть последствия очевидных, непростых или подспудных изменений культурной жизни во всем многообразии ее проявлений, включая и художественную практику.

Еще в период эллинизма и особенно в эпоху Возрождения возникла тенденция обретения искусством автономии внутри культуры, а художниками — профессионально-правового лица. Эта автономия искусства выразилась в постепенном освобождении от внехудожественного контекста, ритуально-культовой деятельности. Одновременно идет процесс «исключительной концентрации художественного таланта в отдельных индивидах» (К. Маркс). Это то, что кратко сформулирует Гете: «В искусстве личность — это всё».

Личностный момент становится структурно-семантическим элементом художественного произведения, модифицируясь внутренними законами каждого вида искусства и социальной позицией творца, наделяет автора не только художественным, но и социологическим мышлением. Но личностный момент становится структурно-семантическим элементом и самосознания эпохи, модифицируясь в зависимости от общезначимых норм художественной жизни. Так, Гете как личности, во всей сложности ее биографического становления и оформления прочно вошел в тело немецкой культуры, как Байрон — в английской, как Шопен — польской и т. п. Удивительную даже для Европы значимость в русской национальной жизни получает личность А. С. Пушкина (Куклин, 1978: 76–77).

Таким образом, искусство как яркий выразитель личностного начала в культуре, «отпочковавшись» от нее структурно, само становится субъектом и объектом социокультурных изменений в обществе и, решая задачи художественного и социального синтеза, утверждает себя самостоятельной областью социологического знания.

Не слишком завидное состояние социологии культуры связано с тем, что эта область социологической науки пока не обрела целостности видения объекта и предмета исследования. Речь идет не о «едином по содержанию и разнообразном по форме» социолого-культурологическом «реализме», а о внутренней целостности самостоятельного научного направления, предмет которого находится вне предметной области других наук, и потому фактически им не доступен. В этом проявились и трудности становления социокультурных исследований, и бесстиемная осколочность постмодернистского мышления.

Этот недостаток нового научного направления не позволит преодолеть любой объем конкретных данных о состоянии культуры, потому что нельзя сложить целостную мозаику сегодняшней культуры без понимания сущности этого уникального способа «очеловечивания мира», равно как и невозможно сделать это на основе фрагментарного видения жизни, смысл которой подвластен только всесторонне целостной оценке.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Одной из попыток достичь продуктивного синтеза междисциплинарных исследований новой реальности третьего десятилетия XXI в. можно считать метод социокультурного анализа, который является как раз самым «слабым звеном» научных исследований российского общества, его нынешнего состояния, его прошлого и, самое главное, перспектив его развития.

Очевидно, что сегодня типологическая карта российской культуры намного «разноцветнее», чем 30, 20 и даже 10 лет назад. Тем более актуально исследование этой сложной и многообразной культурно-художественной палитры с помощью социокультурного анализа, опирающегося на известные и доказавшие свою эффективность методы исследования культуры.

Наука не могла не отреагировать на повышение значимости культуры как особой «сферы», а точнее — особого измерения человеческого бытия, на возрастание важности той роли, которую она играет в жизни современного общества, поэтому «исследование культуры на долгое время становится предметом социологии» (Ионин, 1996: 260). При этом культура особо значима в социологическом знании, публицистических дискуссиях. Происходит переосмысление социологии культуры, которую Л. Г. Ионин предлагает называть *«культурной социологией (по аналогии с культурной антропологией) или культурным анализом»* как самостоятельным *«направлением теоретического исследования, применяющим методологию и аналитический аппарат культурной антропологии, социологии и философии культуры и ставящим своей целью обнаружение и анализ закономерностей социокультурных изменений»* (Ионин, 2004: 21; курсив источника. — О. К., С. К.).

Многомерная природа культуры, всеобъемлющий характер культуры как качественной характеристики всех сфер и сторон социального бытия, как меры «человеческого в человеке» и духовно-ценностного отношения человека к окружающему, самому себе, другому человеку (Букреев, 2011) требуют адекватного метода познания, поскольку «любые продукты человеческой активности могут быть охарактеризованы с точки зрения меры опредмеченных (объективированных) сущностных сил человека, т. е. культуры» (Лашук, 2018: 110). Ее проявления в жизни человека и общества — сколько бы ни спорили об их количестве — в принципе поддаются добросовестным социологическим измерениям, а вот учет вариантов их взаимодействия и взаимовлияния между собой, результирующих в векторе развития культуры и общества в целом, — вряд ли.

Однако доминирующая не только в политической практике, но и в научной сфере одномерная трактовка культуры как сферы услуг или даже «отрасли» хозяйственной деятельности не позволяет преодолеть комплекс поверхностного эмпиризма социокультурных исследований и выявить глубинные изменения на сущностном уровне культуры. Методологическая ограниченность определяет и низкую эффективность методического арсенала подобных исследований. Поэтому до сих пор социология культуры — *не вполне оформившаяся* научная дисциплина, фактически существующая на двух почти не соединенных «этажах» — общесоциологических абстракций и «голового эмпиризма». Первые чаще всего доказываются ссылками на личные ощущения и жизненные факты, вторые не поднимаются выше локальных связей, нередко противоречащих общим закономерностям. Конечно же, это скорее беда, чем вина представителей науки, которая не имеет четко сформулированного и, главное, общепризнанного предмета исследования, сложившегося

концептуального аппарата, отработанной методологии. Достаточно большое число публикаций ученых, которые, впрочем, могут и не считать себя социологами культуры, эти пробелы все ошутимее заполняют. Однако нельзя забывать о сложности — ведь речь идет об одном из уникальных феноменов социальной реальности — самого предмета социологии культуры: его исторической, социальной, национальной многомерности, динамичности, нередко — хаотичности процесса изменений, временного и пространственного многообразия, трудоемкости научной методологии его социологического изучения, практической неоцифруемости и несопоставимости значимости социокультурных явлений, очевидной недостаточности массива социологических данных, раскрывающих нынешнее состояние и тенденции социокультурного развития, нерепрезентативности многих из них и последнее (*last but not least*) — элементарного недофинансирования серьезных социологических исследований.

Нельзя не упомянуть и о субъективизме, основанном на личностном восприятии любым человеком самого содержания культуры и уж тем более — ее интерпретации, которая в индивидуальной оценке полученных данных зависит от избранной парадигмы. Ведь не секрет, что социологические данные — одни и те же цифры! — поддаются истолкованию в диапазоне почти 180 градусов, чему немало способствует идеологизация этой науки. Если уж давно известно об опасности «политической культурологии» (М. Каган), то политическая социология культуры процветает — достаточно прочесть публикации на одну и ту же тему в литературно-художественных и глянцевых журналах, придерживающихся разных позиций, — в полном соответствии с формулой, которую наглядно выразил современный сатирик: с одной точки зрения, у нас трудности роста, с другой — рост трудностей.

Полученные данные большинства социологических исследований не отражают адекватно сущность и сложность культурных трансформаций на уровне личности, социальной группы, общества в целом. Это противоречие фиксируют современные исследователи, пытаясь разделить социологию культуры в традиционном понимании и метаэмпирическую культурсоциологию. Если первую можно представить как набор специальных социологических дисциплин, количество которых может быть адекватно количеству сфер или отраслей культуры, то вторая «претендует на статус фундаментального знания об обществе, где само социальное трактуется и интерпретируется в терминах культурного, а социум понимается как “производный” от культуры» (Лашук, 2018: 106–107).

Механическое разделение теоретического и эмпирического не продуктивно. Наука должна быть целостной с единой методологией, четко очерченным предметным полем и разнообразными методиками исследования. Выход из этого гносеологического и методологического тупика состоит в синтезе всех уровней социологического исследования культуры, полюса которого представлены собственно социологией культуры и культурсоциологией. Очевидно, что без такого синтеза на первый взгляд «двух принципиально различных версий социологического подхода к изучению культуры» (Абушенко, 2012: 124–125) невозможно понять *смысл* всех статистических и социологических данных о состоянии и изменениях сегментов культуры, равно как и выявить сущность глубинных тенденций изменения культуры и общества в целом. Ведь любое событие общественной жизни — от политико-управленческих решений (например, пенсионная реформа) до динамики числа разводов — имеет культурно-ценностное зерно, пусть закамуфлированное и даже за-

шифрованное экономическими доводами, психологическими мотивациями, случайными факторами и т. д. Знание о том, что такое культурное зерно существует, откроет суть любого общественного явления для исследователей разных научных специальностей. Но раздельно ни социолого-культурологическая «близорукость» видения реальности, ни культурсоциологическая «дальнозоркость» до конца эту сущность понять не позволят. При этом важно отметить, что гипертрофия социологического эмпиризма в культуре и культурсоциологизма так же непродуктивна, как их уничтожение.

На самом деле полюса единого и целостного культурсоциологического или социокультурного анализа не столько противоречат, сколько взаимодополняют друг друга, отражая многоуровневость самого феномена культуры, неотъемлемыми составляющими которого являются и высшие ценностные сущности — идеалы, и такая вполне прозаическая вещь, как степень информатизации сельских библиотек, как и все другие пункты отчетных докладов о состоянии отечественной культуры.

В первую очередь к культуре и искусству относятся справедливые сетования коллег на то, что «социальность как сложная динамическая форма не схватывается имеющимися познавательными средствами» (Кемеров, 2005: 27), а «возрастающая сложность мира требует более изощренных методов его изучения» (Александров, Кирдина, 2012: 4). Например, продуктивность использования метафоры для обогащения методического инструментария и интерпретации социологических данных показал А. И. Кравченко (Кравченко, 2016: 124–133), то же самое относится к пословицам и поговоркам как речевым формулам осмысления происходящего в действительности. Уместным представляется упомянуть здесь афоризм М. Задорного о том, что «существующая реальность пришла в полное противоречие с окружающей действительностью». Наряду с этим примером яркого обновления научного социологического «языка» за счет его метафорически-образного обогащения, а одновременно и методологии социокультурного анализа является книга Ж. Т. Тощенко «Фантомы российского общества» (Тощенко, 2015).

Системные исследования важнейшей сферы человеческого бытия и изменений социокультурной динамики включают разработку современной методологии и соответствующей методики социокультурных исследований, позволяющих количественно и качественно оценить характер культурной и художественно-творческой деятельности, ее содержательные характеристики, выработать научно обоснованные индикаторы культурного развития. Продуктивный методический арсенал может включать не только массовые и экспертные опросы, глубинные интервью, контент-анализ текстов и других артефактов, но и социокультурный анализ художественных произведений, герои которых представляют, по сути, типизированные личности, включающие в себя сущностные черты многих близких по характеру людей, поэтому вполне могут быть подвержены социокультурному анализу. Искусство как «мышление в образах», по выражению Г. Гегеля, пытается по-своему осмысливать происходящее, поэтому социолог Е. Г. Андриященко вполне обоснованно считает возможным называть социологически закономерными событийные цепочки наиболее значимых фактов, в том числе сохранившихся в образах искусства (Андриященко, 2015: 67), представляющих собой типизацию социальных явлений. Ведь не случайно еще И. Кант писал, что «рассудок ничего не может созерцать, а чувства ничего не могут мыслить. Только из соединения их может возникнуть знание» (Кант, 2010: 214). Тем более что, как заметил чешско-немецкий

афорист Г. Лауб, только искусство позволяет сказать нам даже то, чего мы не знаем. Д. Лукач считал любое произведение искусства (литературное, музыкальное, художественное) неотъемлемой частью и проявлением коллективного сознания (Лукач, 1937), а Л. Гольдман рассматривал, например, роман как «отражение коллективного сознания определенной социальной группы» (цит. по: Черновская, 2011: 180).

В целом художественный образ и любой культурный артефакт репрезентативен и может быть использован социологом в рамках его концепции происходящего в культуре. Убедительное обоснование возможности рассматривать литературные тексты в качестве форм социального действия представил Б. В. Дубин (Дубин, 2010). Однако «переход» искусства из эстетики в социальный мир — дорога с двусторонним движением. Литература и искусство дают социологу представление о картинах мира (возможно, «непроговариваемых», как считает С. Г. Кордонский), которые «авторы проецируют на читателей». Поэтому «срезы искусства позволяют взглянуть на эпоху совершенно иначе, увидеть место человека в пространстве и времени и главное — показать неразрывную связь общественных отношений и идейно-художественного осмысления реальности» (Попов, 2017: 147). Не случайно еще в начале XX в. Ч. Х. Кули отзывался о социологии как о «художественной науке». Цели, стоящие перед социологией культуры как наукой, не достижимы без включения в арсенал ее методов исследования литературы и искусства как социологических явлений, т. е. как художественно-образных обобщений реальности, предельно концентрированно выражающих закономерности общественной жизни, в том числе действующие подспудно, вне достижимости обычных социологических замеров. Бесспорная субъективность символического «слепок» с действительности, каким является любое художественное произведение, требует особой методики анализа и сопоставления с трафаретными методами изучения общества, статистическими данными. Но часто такого рода «слепки» с действительности отражают ее на гораздо более глубоком уровне, чем поверхностные замеры и спекулятивные обобщения.

Художник — в каком бы виде искусства он ни работал — стремится понять и отразить происходящее, угадывая и запечатлевая существенные измерения социального бытия. Социологу остается только подвергнуть анализу его художественные обобщения с помощью особой методики, разработка которой — вопрос сложный, но относящийся к технологии или даже к технике исследований. Ведь выступление деятеля культуры и искусства или статья критика, погруженных в художественно-творческий процесс, вполне может быть расценено как углубленное интервью или требующий социологической обработки результат включенного наблюдения.

В такие переломные и динамичные эпохи, как нынешняя, духовно-нравственная реальность нередко точнее, чем в научных обобщениях, отражается в искусстве и литературе, а художественное постижение множества фактов, судеб приводит к обобщениям нередко более точным, чем анализ социологических данных: «Жизнь находится не только вне искусства, но и в нем, внутри его, во всей полноте своей ценностной весомости: социальной, политической, познавательной и иной», — писал М. М. Бахтин (Бахтин, 1975: 29).

Культура как деятельность по очеловечиванию мира и самого человека поддается исследованию не социологии факта или цифры, а социологии смысла, в кото-

ром отражается сущность культуры. А он открывается в оценке глубинных изменений, которые отражаются в художественном произведении или в мнении деятелей культуры.

В связи с этим приведем пример, взятый из интервью бывшего главы столичного департамента культуры Сергея Капкова. Анализируя социокультурную ситуацию в Москве, он отметил, что почти две трети москвичей ведут «культурный образ» жизни, подразумевая под этим посещение ресторанов, на втором месте рейтинга — посещение кинотеатров и лишь на третьем — театров. Чиновник пожаловался и на большое количество караоке-клубов, калянных и бань в центре города, в то время как 60% горожан никогда не были в музеях, а 40% — в театрах. В числе проблем была названа нехватка в отрасли административных кадров и историческая сосредоточенность 70% учреждений культуры в центре Москвы. «Говорить о доступности культуры в спальных районах не приходится», — посетовал С. Капков. И в конце своего интервью он сформулировал тезис, который можно расценивать как революционный прорыв в культурной политике города: «Мы хотим уйти от управления учреждениями к управлению событиями» (Воронов, 2012: 5). Не содержится ли в этой фразе стремление перейти от социологии факта или цифры к социологии смысла?

На этом примере просматривается еще одна сложная проблема — выбор индикаторов оценки изменений культурной реальности. Пока выбор произволен, подобные индикаторы не выражают в системном виде сущность, т. е. не отражают духовно-ценностные характеристики культурной идентичности россиян и сложность социокультурной динамики российского общества (Неймарк, Казанцева, 1992). Индикаторы культурного развития должны носить интегральный характер, отражающий качественное состояние социокультурной среды и реальную погруженность человека в социальное бытие культуры. Совокупность этих индикаторов должна показать возможности повышения социально-культурного потенциала соответствующей социальной общности, обозначить способ улучшения социально-культурного воспроизводства населения в соответствии с миссией культуры.

Разница видения такого социокультурного целого, как российская культура, уже многие десятилетия доходит до противоположных оценок, но сегодня, в условиях информационной-культурной экспансии Запада, это противоречие обернулось социальным и идеологическим расколом общества, неспособностью не только представителей одной профессии, но и нередко членам одной семьи объективно оценить происходящее в целом, тем более в области культуры.

Социологические замеры «средней температуры по больнице» в чрезвычайно усложнившемся социально-политическом и социокультурном поле становятся все менее продуктивными. Удельный вес в этом поле новых культурных событий и форм, эстетических вкусов и связанных с ними духовно-культурных ценностей постоянно возрастает. Но эти масштабные и динамичные изменения под влиянием стремительно меняющейся геополитической, политико-экономической и духовно-нравственной парадигмы 20-х гг. нового столетия никак не укладываются в рамки социологических исследований культуры.

Очевидно, что социально-исторические и социокультурные потрясения требуют нового уровня кооперации научной деятельности и комплексных междисциплинарных исследований сложных социокультурных систем. В таких экстре-

мальных условиях необходим, конечно же, синтез методов и подходов различных наук — социальной философии, культурологии, социологии, политологии, социальной психологии и даже социолингвистики — для раскрытия сущности происходящих в сфере культуры и культурной политики процессов, для того чтобы избежать «своеобразной аберрации гносеологического зрения» — сведения целостности культуры к подведомственной ей части — стороне, аспекту этого целого» (Каган, 1989: 9) и выявить роль культуры в нормализации отношений между цивилизациями, в становлении нового, справедливого миропорядка в целом.

Использование социокультурного метода как органического сочетания социально-философского, социологического и культурологического подходов позволяет исследовать культуру как особый объект. Социологическое видение культуры связано с отходом от исследования всеобщих культурных характеристик («культурных констант») вне временных и пространственных координат и началом изучения отличительных особенностей различных культур и далее — конкретных проявлений культуры в тот или иной период времени и в определенной этногеографической среде, т. е. с точки зрения ее реального социального бытия.

Для более углубленного понимания и исследования сложных реалий необходим синтез естественно-научного, социального и гуманитарного знания, результатом которого явилась бы парадигма сложности, имеющая социологический стержень. Такая интеграция позволила бы, с одной стороны, максимально учесть сложности социокультурной динамики, всевозможные парадоксы, дисперсии и турбулентности социума, а с другой — осуществить поиск и утверждение новых форм гуманизма, включая гуманистическую направленность любых научных исследований.

Социология культуры предполагает анализ и синтез (обобщение) эмпирического материала, полученного социологическими средствами. Эмпирическое богатство обобщаемого материала, глубина проникновения в сущностные связи между явлениями, зафиксированными социологическими методами с привлечением данных статистики, психологии, этнологии, искусствознания и т. д., — это и есть «опорные точки» социологического исследования культуры, которая несет в себе возможность синтеза социологического и культурологического знания. Социокультурный анализ означает выделение основополагающих звеньев в понимании сущности любой национальной культуры и качественных характеристик ее трансформаций в меняющихся условиях. Одним из таких понятий, еще не обретших категориальный статус в российской социологии, является «культурный код» (более подробно см.: Васильев, Комиссаров, 2020: 38–62).

Без анализа культурного кода вряд ли можно понять сущность и направленность культурных изменений, происходящих в обществе и отдельных социальных группах. Культурный код — это квинтэссенция культуры, формула уникальных духовно-ценностных и социокультурных особенностей, заключенных в той или иной информационной (знаково-образной) форме для идентификации определенного типа культуры. Это набор знаков, символов, образов, которые складываются в определенный набор стереотипов в уме каждого человека. Культурный код — это «культурное бессознательное», которое существует безотносительно к нашему собственному рациональному восприятию и пониманию, но атрибутивно проявляется в действиях людей. Одинаковая реакция, одинаковые действия людей говорят о наличии принципиально совпадающих закодированных культурных особенностей, что является неотъемлемой частью общей характеристики нации наряду с еди-

ным языком, историей, образом жизни и едиными поведенческими характеристиками (Горшков, 2018: 2–7).

Культурный код нации позволяет понять поведенческие реакции, характерные для людей одной нации, каким образом и в какой бы степени они ни отличались друг от друга. Понимание культурного кода позволяет предсказать общенациональное отношение к тому или иному явлению, а также предположить реакцию нации на глобальные изменения или такие политические потрясения, как кризис на Украине. Ключевые коды в понимании поведения как социальных групп, так и конкретного человека включают в себя имманентно различные измерения: религию, пол, отношения, деньги, еду, здоровье и культуру. Подробно культурный код описан в книге К. Рапая «Культурный кодекс: гениальный способ понять, почему люди во всем мире живут и покупают так, как они делают» (Rapaille, 2006). Культурный код рассматривается как бессознательный смысл любой вещи, которая воспринимается в парадигме той культуры, в которой каждый человек воспитан. Теория Рапая основана на теории импринтинга, объясняющей, что запечатленные в детстве образы влияют на то, как человек воспринимает различные явления во взрослой жизни, какие у него возникают ассоциации с тем или иным предметом, событием и т. д. Культурные коды разных стран отличны друг от друга, понимание культурных кодов разных наций дает ключ к пониманию поведения представителей этих наций.

Важно отметить, что Рапай далеко не первый, кто стал активно использовать словосочетание «культурный код». В работах российских социологов неоднократно встречается понятие «цивилизационный код нации». Например: «Сегодня значимость культуры как “цивилизационного кода нации” осознается не только в среде деятелей культуры и искусства, но и властью. Высказанное еще в 2012 г. мнение руководителя страны о том, что “культура является неотъемлемой частью всех сторон нашей жизни”, разделяет подавляющее большинство наших граждан (84,6%)» (Лашук, 2018: 109). Разница в трактовке этого понятия заключается в том, что российская социология рассматривает «цивилизационный код» с точки зрения фундаментальной науки, доказывая, что цивилизационный код имеет архетипическую и ментальную основу. Как известно, архетипы, по К. Юнгу, — «первообразы» — бессознательный обобщенный образ прошлого, передаваемый по наследству от поколения к поколению через мифы, пословицы, сказки. Архетипы выполняют функцию передачи базовой культуры от старших поколений к младшим. Архетипы не только распространяются традицией, языком и миграцией, но и спонтанно возникают в любое время, в любом месте, без какого-либо внешнего влияния. Это утверждение имеет далеко идущие последствия, ибо означает, что в каждой душе присутствуют формы, которые, несмотря на свою неосознаваемость, являются активно действующими установками, идеями в платоновском смысле, предустанавливающими наши мысли, чувства и действия, постоянно оказывающими на них влияние (Юнг, 1997).

В свою очередь, ментальность проявляется как совокупность устоявшихся бессознательных и частично отрефлектированных форм мировосприятия. Она определяет общие черты коллективной жизни. Ментальные компоненты культуры, передаваемые по наследству, расширяют и конкретизируют обобщенный образ реальности, сформированный в архетипах. Исследование компонентов менталитета позволяет сформировать представления об общих чертах социального характера

(по Э. Фромму), о своеобразии разных групп (этнических, религиозных и др.). В свою очередь, габитусы — приобретенные поведенческие предрасположенности. По определению П. Бурдьё, они выступают структурирующими основаниями, принципами организации социальных практик, направленных на деятельное достижение определенных результатов. Как результат индивидуальной истории и социального опыта габитусы связывают в социальных практиках воедино прошлое, настоящее и будущее. Стереотипы, являясь относительно устойчивым и упрощенным образом (шаблоном) реальности, согласно У. Липману, способствуют воссозданию привычной, понятной и в каком-то смысле упрощенной картины мира. Стереотипы способствуют моментальной типизации событий и явлений, обеспечивая быстроту реакции и ощущение знания реальности. Стереотипы делают ее субъективно знакомой и понятной и одновременно придают уверенность в своем знании, коль скоро стереотипы широко распространены в социокультурной среде. Поэтому типизация является инструментом упорядочения субъективного опыта и объективации отношения к социальной реальности, движения от индивидуального к универсальному (Типологический анализ ... , 2023).

Несомненно, что понимание культурного кода значительно расширяет возможности исследований в области социологии культуры. Чем «проще» культурный код нации, тем менее фундирована национальная идентичность, тем слабее приверженность национальной культуре. Снижение национальных культурных показателей сбалансировано с ростом наднациональных или вненациональных культурных характеристик, усилением влияния поп-культуры американского типа. Вся нынешняя информационно-культурная экспансия Запада против России направлена на разрушение культурного кода, подмену его наднациональным масскультом и попкультурой. Речь идет о стратегии полного захвата культурного, вслед за ним потребительского рынка, в целом — всего культурного пространства страны, результатом которого стала бы утрата национальной идентичности. Англицизмы, пренебрежительное отношение к национальной музыке, национальной одежде, охаивание истории страны, ее исторических и современных героев, их подмена героями Голливуда и «кумирами» из числа золотой молодежи... Эти и другие проявления антироссийской «культурной интервенции» (В. Распутин) неоднократно фиксировались социологами культуры, журналистами, общественными деятелями, в полной мере проявились в условиях гибридной войны против России.

Не менее важной особенностью методологической и методической основы социокультурного анализа является учет того обстоятельства, что культура представляет собой «человеческий» аспект рассмотрения любых отношений и сфер жизни общества. Сейчас многое говорится о необходимости обращения социологии, и в первую очередь социологии культуры, к человеку как главному действующему лицу исторического (тем более культурного) процесса и о востребованности гуманистического поворота в социологии (Кравченко, 2015). Вступление человечества в сложный социум, сущностной чертой которого является его становление, происходящее нелинейно, с сопутствующими рисками, травмами, разрывами и парадоксами, требует адекватной интерпретации этих процессов. А это может обеспечить только гуманистический поворот в социологии. Междисциплинарная гуманистическая теория сложности находится на этапе становления, но только она способна обосновать подходы к осуществлению гуманистически ориентированной модернизации российского общества (Кравченко, 2015).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В экстремальных условиях межцивилизационного противостояния общественная потребность и научная необходимость разработки нового концептуального аппарата, новых теоретико-методологических подходов, методического арсенала анализа социокультурных факторов изменения сознания и поведения россиян только возрастает. «Социальные и гуманитарные науки запаздывают в осмыслении быстрых и глобальных перемен», — справедливо пишет белорусский коллега А. Н. Данилов (Данилов, 2021: 14–15). Именно поэтому очень «важно осмыслить перемены, происходящие в различных сферах современной культуры, и выяснить, не возникают ли здесь новые жизненные смыслы и ценности, которые потом станут зародышевыми формами нового культурно-генетического кода, обеспечивающего новый тип цивилизационного развития» (Степин, 2019: 737).

В общественном сознании, в публичном информационном поле неоднократно звучала справедливая мысль о судьбоносном для России характере нынешнего исторического момента. Опорой цивилизационной победы в «войне цивилизаций» для нашей страны служат не только новейшие системы вооружений, мобилизация экономики и т. п., но и духовные качества народа, которые берут начало в отечественной культуре как генотипе российской цивилизации.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Цели и приоритеты культурной политики. Экспертный опрос осуществлен в 2013–2014 гг. учеными Института социологии РАН, Института экономики РАН и Института искусствознания Министерства культуры РФ (см.: «И днем и ночью кот ученый ...», 2014).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абушенко, В. Л. (2012) Типологический подход к исследованию культуры в культурсоциологии // Социологический альманах. № 3. С. 124–140.

Александров, Ю. И., Кирдина, С. Г. (2012) Типы ментальности и институциональные матрицы: мультидисциплинарный подход // Социологические исследования. № 8. С. 3–13.

Андрющенко, Е. Г. (2015) Россия и Великий шелковый путь. Очерки геополитики, истории, социологии. М.: Изд-во СГУ. 664 с.

Бахтин, М. М. (1975) Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература. 502 с.

Букреев, В. И. (2011) Расчеловечивание человека в мировой истории: истоки и глобальные последствия. М.: Наука. 405 с.

Васильев, Н. А., Комиссаров, С. Н. (2020) Культурный код. Новые поколения российской молодежи // Поиск. № 5 (82). С. 38–62.

Воронов, А. (2012) Москвичи предпочитают культуре отдых. Сергей Капков отчитался о проделанной работе // Коммерсант. № 23. 18 декабря. С. 5.

Горшков, М. К. (2018) Молодежь и экономика будущего // Управленец. Т. 9. № 3. С. 2–7.

Гуревич, П. С. (1995) Философия культуры: учеб. пособие для студентов гуманитар. вузов. 2-е изд. М.: Аспект пресс. 286 с.

«И днем и ночью кот ученый...» (2014) Письмо руководителей академических институтов об основах культурной политики в России / М. К. Горшков, Р. С. Гринберг, Н. В., А. Я. Рубинштейн, С. Н. Комиссаров // Российская газета — Федеральный выпуск. № 95 (6367). 25 апреля.

Данилов, А. Н. (2021) Развитие современного социума: место культуры в выборе будущего [Электронный ресурс] // Вестник Института социологии. Т. 12. № 3. С. 14–15. URL: <https://www.vestnik-isras.ru/article/735> (дата обращения: 02.03.2023).

- Дубин, Б. В. (2010) Классика, после и рядом: социологические очерки о литературе и культуре. М. : Новое литературное обозрение. 345 с.
- Ерасов, Б. С. (2000) Социальная культурология. М. : Аспект Пресс. 591 с.
- Ионин, Л. Г. (1996) Социология культуры. М. : Логос. 280 с.
- Ионин, Л. Г. (2004) Социология культуры. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ. 427 с.
- Каган, М. С. (1998) Введение // Философия культуры. Становление и развитие. СПб. : Лань. 448 с.
- Кант, И. (2010) Критика чистого разума. М. : Эксмо, 736 с.
- Кемеров, В. Е. (2005) Меняющаяся роль социальной философии и цивилизационные проекты // Вестник Российского философского общества. № 3. С. 61–78.
- Кравченко, А. И. (2016) Метафоры в социологии: новые перспективы или путь в никуда? // Социологические исследования. № 7. С. 124–133.
- Кравченко, С. А. (2015) Социологическое знание через призму стрелы времени. Востребованность гуманистического поворота в социологии. М. : МГИМО-Университет. 342 с.
- Куклин, А. Я. (1978) Введение в социологию искусства. Л. : ЛГИТМИК. 86 с.
- Лашук, И. В. (2018) Теоретико-методологические и операциональные основания социокультурного анализа современного общества // Россия реформирующаяся : ежегодник. Вып. 16 / отв. ред. М. К. Горшков. М. : Новый хронограф. 472 с. С. 104–119.
- Лукач, Д. (1937) Литературные теории XIX века и марксизм. М. : Гослитиздат. 293 с.
- Неймарк, Н., Казанцева, Г. (1992) Регионально-поселенческий аспект культурной политики в современном обществе. М.
- Попов, Е. А. (2017) Как заинтересовать социолога изучением искусства и духовной жизни? // Социологические исследования. № 6. С. 143–149.
- Степин, В. С. (2019) Человек. Деятельность. Культура. СПб. : СПбГУП. 796 с.
- Типологический анализ в социологии как диагностическая процедура (2023) / Г. Г. Татарова, Н. С. Бабич и др. ; отв. ред. Г. Г. Татарова, А. В. Кученкова ; ФНИСЦ РАН. М. : ФНИСЦ РАН. 358 с.
- Тощенко, Ж. Т. (2015) Фантомы российского общества. М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга. 668 с.
- Черновская, М. С. (2011) Зарубежная социология литературы: основные направления // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 14. №1. С. 178–190.
- Юнг, К. (1997) Душа и миф. Шесть архетипов / пер. с нем. В. В. Науманова ; под общ. ред. А. А. Юдина. М. : Совершенство ; Киев : Порт-Рояль. 382 с.
- Rapaille, C. (2006) The Culture Code: An Ingenious Way to Understand Why People Around the World Live and Buy As They Do. Broadway Books. 108 p.

Дата поступления: 07.03.2023 г.

*METHODOLOGY OF SOCIO-CULTURAL COGNITION
IN THE CONDITIONS OF SOCIAL CHANGES*

*O. I. KARPUKHIN
MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES,
S. N. KOMISSAROV
FCTAS RAS INSTITUTE OF SOCIOLOGY*

Study the science of art and the art of science.

Leonardo da Vinci

The obvious onset of a new era of world history after the expansion of the West, aimed at the destruction of Russia as a civilization, implies a revision of the entire arsenal of methods of scientific knowledge of what is really happening in the geopolitical, socio-economic and socio-cultural spheres. Now we are talking about the crucial nature of the logic of human history itself, which has

developed over the past centuries and in the contradictory, largely inhuman reality of which the vector of humanization of the world and man himself, which constitutes the essence of culture, steadily paved the way. Today, in the West, this vector and its fundamental religious-ideological and spiritual-cultural bearing structures are being destroyed. This anti-cultural shift of Western civilization, controlled by the rulers of its destinies, is aimed at the brutalisation of the mass man, their deposition to the level of the instincts of “our lesser brothers” — in order to overturn humanity and ensure unquestioning subordination of the remaining to the interests of the top world oligarchy. The way to achieve these quite prosaic interests was the deposition of God as the ideal of man and the elimination of the humanistic cultural tradition developed by mankind in the struggle for the survival of man as a social being. The condition for the success of such a strategy was the destruction of Russian civilization and culture, which are genetically related to each other and which turned out to be the mainstay of the humanistic tradition of mankind. It is not for nothing that the attempt to physically destroy the Russian state, the extermination of its peoples, is combined in the new crusade of the West with the eradication of the past of a great world power, with the policy of “cancel culture”, which V. V. Putin called “the cancellation of culture”.

Keywords: culture; socio-cultural analysis; methodology; sociology; art; synthesis of theoretical approaches; study of the state of Russian culture

REFERENCES

Abushenko, V. L. (2012) Tipologicheskii podkhod k issledovaniiu kul'tury v kul'tursotsiologii. *Sotsiologicheskii al'manakh*, no. 3, pp. 124–140. (In Russ.).

Aleksandrov, Iu. I. and Kirdina, S. G. (2012) Tipy mental'nosti i institutsional'nye matritsy: mul'tidistsiplinarnyi podkhod. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 8, pp. 3–13. (In Russ.).

Andriushchenko, E. G. (2015) *Rossia i Velikii shelkovyi put'*. *Ocherki geopolitiki, istorii, sotsiologii*. Moscow, Modern Univ. for the Humanities. 664 p. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki*. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. 502 p. (In Russ.).

Bukreev, V. I. (2011) *Raschelovechivanie cheloveka v mirovoi istorii: istoki i global'nye posledstviia*. Moscow, Nauka. 405 p. (In Russ.).

Vasil'ev, N. A. and Komissarov, S. N. (2020) Kul'turnyi kod. Novye pokoleniia rossiiskoi molodezhi. *Poisk*, no. 5 (82), pp. 38–62. (In Russ.).

Voronov, A. (2012) Moskvichi predpochitaiut kul'ture otdykh. Sergei Kapkov otchitalsia o prodelannoi rabote. *Kommersant*, no. 23. Desember, 18, p. 5. (In Russ.).

Gorshkov, M. K. (2018) Molodezh' i ekonomika budushchego. *Upravlenets*, vol. 9, no. 3, pp. 2–7. (In Russ.).

Gurevich, P. S. (1995) *Filosofia kul'tury : ucheb. posobie dlia studentov gumanit. vuzov*. 2nd ed. Moscow, Aspekt press. 286 p. (In Russ.).

«I dnem i noch'iu kot uchenyi...» (2014) Pis'mo rukovoditelei akademicheskikh institutov ob osnovakh kul'turnoi politiki v Rossii / M. K. Gorshkov, R. S. Grinberg, N. V., A. Ia. Rubinshtein and S. N. Komissarov. *Rossiiskaia gazeta — Federal'nyi vypusk*, no. 95 (6367). 25 April. (In Russ.).

Danilov, A. N. (2021) Razvitie sovremenного sotsiuma: mesto kul'tury v vybore budushchego. *Vestnik Instituta sotsiologii*, vol. 12, no. 3, pp. 14–15 [online] Available at: <https://www.vestnik-isras.ru/article/735> (accessed: 02.03.2023). (In Russ.).

Dubin, B. V. (2010) *Klassika, posle i riadom: sotsiologicheskie ocherki o literature i kul'ture*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 345 p. (In Russ.).

Erasov, B. S. (2000) *Sotsial'naiia kul'turologiia*. Moscow, Aspekt Press. 591 p. (In Russ.).

Ionin, L. G. (1996) *Sotsiologiia kul'tury*. Moscow, Logos. 280 p. (In Russ.).

Ionin, L. G. (2004) *Sotsiologiia kul'tury*. Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics. 427 p. (In Russ.).

Kagan, M. S. (1998) Vvedenie. In: *Filosofia kul'tury. Stanovlenie i razvitie*. Saint-Petersburg, Lan'. 448 p. (In Russ.).

- Kant, I. (2010) *Kritika chistogo razuma*. Moscow, Eksmo, 736 p. (In Russ.).
- Kemerov, V. E. (2005) Meniaiuschchaiaia rol' sotsial'noi filosofii i tsivilizatsionnye proekty. *Vestnik Rossiiskogo filosofskogo obshchestva*, no. 3, pp. 61–78. (In Russ.).
- Kravchenko, A. I. (2016) Metafori v sotsiologii: novye perspektivy ili put' v nikuda? *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 7, pp. 124–133. (In Russ.).
- Kravchenko, S. A. (2015) *Sotsiologicheskoe znanie cherez prizmu strely vremeni. Vostrebovanost' gumanisticheskogo povorota v sotsiologii*. Moscow, MGIMO-University. 342 p. (In Russ.).
- Kuklin, A. Ia. (1978) *Vvedenie v sotsiologiiu iskusstva*. Leningrad, LGITMIK. 86 p. (In Russ.).
- Lashuk, I. V. (2018) Teoretiko-metodologicheskie i operatsional'nye osnovaniia sotsiokul'turnogo analiza sovremennogo obshchestva. In: *Rossia reformiruiushchaisia : ezhegodnik*. Iss. 16 / ed. by M. K. Gorshkov. Moscow, Novyi khronograf. 472 p. Pp. 104–119. (In Russ.).
- Lukach, D. (1937) *Literaturnye teorii XIX veka i marksizm*. Moscow, Goslitizdat. 293 p. (In Russ.).
- Neimark, N. and Kazantseva, G. (1992) *Regional'no-poselencheskii aspekt kul'turnoi politiki v sovremenom obshchestve*. Moscow. (In Russ.).
- Popov, E. A. (2017) Kak zainteresovat' sotsiologa izucheniem iskusstva i dukhovnoi zhizni? *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 6, pp. 143–149. (In Russ.).
- Stepin, V. S. (2019) *Chelovek. Deiatel'nost'. Kul'tura*. Saint-Petersburg, St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions. 796 p. (In Russ.).
- Tipologicheskii analiz v sotsiologii kak diagnosticheskaiia protsedura (2023)* / G. G. Tatarova, N. S. Babich et al. ; ed. by G. G. Tatarova and A. V. Kuchenkova. Moscow, FCTAS RAS. 358 p. (In Russ.).
- Toshchenko, Zh. T. (2015) *Fantomy rossiiskogo obshchestva*. Moscow, Center for Social Forecasting and Marketing. 668 p. (In Russ.).
- Chernovskaia, M. S. (2011) Zarubezhnaia sotsiologiiia literatury: osnovnye napravleniia. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, vol. 14, no. 1, pp. 178–190. (In Russ.).
- Iung, K. (1997) *Dusha i mif. Shest' arkhietipov* / transl. from German by V. V. Naukmanova ; ed. by A. A. Iudin. Moscow, Sovershenstvo ; Kiev, Port-Roial'. 382 p. (In Russ.).
- Rapaille, S. (2006) *The Culture Code: An Ingenious Way to Understand Why People Around the World Live and Buy As They Do*. Broadway Books. 108 p.

Submission date: 07.03.2023.

Карпухин Олег Иванович — доктор социологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Российская Федерация, г. Москва, ул. Юности, 5. Тел.: +7 (499) 374-75-95. Эл. адрес: oikarpukhin@yabde.ru

Комиссаров Сергей Николаевич — доктор философских наук, профессор, завсектором исследования социокультурных и медиакоммуникаций Института социологии ФНИСЦ РАН. Адрес: 117218 Российская Федерация, г. Москва, ул. Кржижановского 25/36. Тел.: +7 (499) 125-00-79. Эл. адрес: prcult@mail.ru

Karpukhin Oleg Ivanovich, Doctor of Social Sciences, Professor, Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Professor, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-75-95. E-mail: oikarpukhin@yabde.ru

Comissarov Sergey Nikolayevich, Doctor of Philosophy, Professor, Head, Sector of Research of Sociocultural and Media Communications, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences. Postal address: 25/36, Krzhizhanovskogo St., Moscow, Russian Federation, 117218. Tel.: +7 (499) 125-00-79. E-mail: prcult@mail.ru